

№ 402.

СЛИШКОМЪ...

Въ газетахъ напечатана слѣдующая телеграмма.

„Саратовъ. Сегодняшняя панихида въ соборѣ по Коммиссаржевской отмѣнена епископомъ Гермогеномъ, запросившимъ въ Ташкентѣ о причинѣ смерти, объ исповѣди и причасти. Общество возмущено.“

До того еще въ „Рѣчи“ было сообщеніе изъ Саратова:

„Епископъ Гермогенъ за обѣдней въ церкви Петра и Павла сказалъ слово о современной интеллигенци, „шатающейся“ по театрамъ, гдѣ „смердь и замерзене“, гдѣ живетъ самъ сатана. Въ заключеніе епископъ Гермогенъ обратился къ прихожанамъ съ внушеніемъ, что будетъ отлучать отъ церкви и не допускать къ причастию тѣхъ, кто посѣщаетъ театры.“

Вотъ онъ, злой рокъ мракобѣсія: оно никакъ не можетъ остановиться на мало-мальски приличной грани. При малѣйшей потяжкѣ оно размахивается такъ, что падаетъ во весь ростъ.

Умерла артистка, идеальная по чистотѣ своего служенія искусству. Смерть ея стала горемъ всей Россіи, отодвинула на второй планъ повседневныя дразги и свары. И въ этотъ-то моментъ тотъ, чье призваніе — молитва и любовь, сталъ мельче послѣдняго мѣрянина, шедшаго молиться въ закрытый имъ храмъ.

Въ „Гамлетѣ“, при похоронахъ бѣдной Офелии, которую такъ проникновенно играла В. Ф. Коммиссаржевская, священникъ отказывается отслужить панихиду.

„Прахъ и камни,
А не молитвы чистыхъ христіанъ
Должны-бъ ее въ могилу провожать.
Она-жъ въ вѣнѣ дѣвическомъ лежитъ,
На гробъ легли невинныя цвѣты
И онъ святой покроется землею
При похоронныхъ звукахъ мѣди.“

ЛАЭРТЪ.

Какъ?

И больше ничего?

СВЯЩЕННИКЪ.

Нѣтъ, ничего.

Мы осквернили-бы святую службу,
Пропѣвъ ей реквиемъ, какъ всѣмъ почившимъ
въ мѣрѣ.

ЛАЭРТЪ.

Спустите гробъ, изъ дѣвственнаго праха
Фіалки выростутъ, священникъ грубый,
Я говорю тебѣ: страдая въ адѣ,
Ты ангеломъ сестру мою увидишь.

Когда синодъ своеобразно отозвался на юбилей графа Л. Н. Толстого, подтвердивъ

свое отлученіе, я написалъ, что синодъ этимъ самъ отлучилъ себя отъ церкви, такъ какъ церковь есть собраніе вѣрующихъ и онъ оказался не съ ними, а внѣ ихъ. За это тогда смиренный „Колоколъ“ назвалъ меня „изъ оболдуевъ разоболдуемъ“ — не знаю, что это значило, но едва-ли, что-нибудь истинно христіанское. Боюсь, что теперь будетъ не лучше, ибо опять приходится повторить то же самое: возмущивъ религиозное и нравственное чувство своей паствы, епископъ Гермогенъ сталъ внѣ ея.

Паства не молчитъ; она телеграфируетъ въ умѣреннѣйшее „Новое Время“ о своемъ возмущеніи — и она глубоко права. Лишь безразличное къ своей вѣрѣ, къ своей церкви общество могло бы поступить иначе. Конечно, вѣру и церковь не могутъ унижить никакіе поступки ихъ служителей, но такіе поступки больно отзываются на религиозномъ чувствѣ, даютъ поводъ къ основательнымъ нападкамъ и даже издѣвательствамъ, словомъ, не унижалъ самой церкви, унижаютъ ея достоинство въ глазахъ мірянъ. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ „Театръ и искусство“ по поводу проповѣди епископа Гермогена съ угрозою отлученія отъ церкви посѣщающихъ театръ.

„L'appetit vient en mangeant и если удалось „слоमितъ“ „свѣтскую власть“ по вопросу объ „Анатемѣ“, почему не итти дальше? Въ первую голову въ „проскрипціонный“ списокъ отлучаемыхъ отъ церкви и лишаемыхъ причастія слѣдуетъ, конечно, включить директора Императорскихъ театровъ, затѣмъ драматическую цензуру in concreto. Очень сожалѣемъ, но придется отлученію немедленно подвергнуть А. Е. Молчанова, вице-президента Императорскаго театральнаго общества. О числѣ же имѣющихъ быть подвергнутыми отлученію простыхъ обывателей можно судить по тѣмъ громаднымъ суммамъ, которыя получаетъ вѣдомство Императрицы Маріи за обложеніе театральныя билеты.“

Не больно ли читать, что въ такомъ тонѣ пишутъ о проповѣди православнаго пастыря и не вдвое-ли большѣе сознавать, что онъ это заслужилъ?

Въ самомъ дѣлѣ, переведемъ мысль, здѣсь выраженную, съ эзопова языка на простой: самыя Высокія Лица берутъ театръ подъ свое милостивое покровительство, а епископъ Гермогенъ заявляетъ, что въ театрахъ живетъ самъ сатана. И въ то время, какъ по всей Россіи во всѣхъ церквахъ поднимаются къ небу ладанъ и молитвы за дорогую усопшую — одни саратовцы стоятъ передъ запертымъ храмомъ. Нужна полицей-

ская справка, чѣмъ болѣла покойная, была ли православною, причастилась-ли. Это — не соблюдение канонѣвъ, а явное новшество. Въ любомъ храмѣ по простой запискѣ священникъ молится за упокой, не спрашивая даже, кому принадлежитъ начертанныя въ ней имена, въ любомъ храмѣ можно было до сихъ поръ отслужить и панихиду, давъ только имя умершаго. Теперь все это отмѣнено. До сихъ поръ мы выносили лишь автономіи чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ — въ каждой губерніи были свои правила, теперь сдѣланъ первый шагъ для дѣленія Россіи и на автономіи религиозныя. Однако, недавно потерялъ же одинъ епископъ кафедру за то, что не уберегъ церковной земли. Не пора ли освободить саратовцевъ отъ епископа, не уберегшаго духа своей церкви?

Здѣсь вѣрующіе поднимаютъ свой голосъ. Когда священники лѣвой окраски, разные Петровы, Тихвинскіе и Бриллиантовы, унижали своимъ поведеніемъ достоинство своего сана, нашъ протестъ раздавался такъ же громко, какъ теперь. Намъ безразлично, откуда исходитъ такое униженіе — въ дѣлахъ церкви партійности быть не можетъ. Мы выступаемъ въ защиту церкви — и намъ тяжело, что приходится ее защищать отъ ея же пастыря. Православная церковь всегда была кротка, всегда человѣчна, всегда чуждалась западной нетерпимости. Затѣмъ же теперь въ двадцатомъ вѣкѣ пробовать привить ей пороки, которыхъ она избѣгла въ мрачные средніе вѣка? Недавно еще союзники, мянціе себя православными, протестовали противъ закладки въ Петербургѣ мусульманской мечети. Просьба ихъ уважена не была, но можно ли дальше итти въ непониманіи завѣтовъ своей вѣры и святого начала вѣротерпимости? Вѣротерпимость эта, выраженная въ законѣ, — кровное приобрѣтеніе русскаго народа и онъ ее назадъ не отдастъ. Здѣсь тщетны какія угодно усилія. И, быть можетъ, важнымъ предостереженіемъ явится наглядный примѣръ, какъ послѣ первой же побѣды надъ пьесю, уже не падать ни живыхъ, не мертвую.

И увѣряютъ, что дѣлаютъ это во имя Христа!

Громобой.